

Ёлка тётушки вороны

Инна

Ивановна

Фидянина

*Баю-бай, засыпай,
не придёт к тебе
Бабай*

Новогодняя сказка

Инна Ивановна Фидянина

Ёлка тётушки вороны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69963655

SelfPub; 2023

Аннотация

Прилетела ворона в зимний лес, уселась на раскидистой ветке старой ели, каркнула три раза и говорит:– А ведь, товарищи, скоро Новый год! Надо бы это дело как-то отметить. Кар-кар-кар! – каркнула она ещё раз на всякий случай. Ничего не ответил вороне зимний лес. Не на ту полянку, видимо, чёрная присела. Тут пусто, нет никого. Подумала ворона, подумала, взлетела и перепорхнула на соседнюю полянку. Уселась на ветку точно такой же старой ели, каркнула три раза и говорит:– Товарищи... Товарищи, а ведь Новый год скоро! Надо бы это дело как-то отметить. Кар-кар-кар! – снова каркнула «певчая» птица в конце своей многозначительной речи. И опять не ответил пернатой ораторше зимний лес. Лишь застарелый снег упал с той самой ветки, на которой сидела ворона – хлоп! – и тишина, звенящая тишина такая, у тёмной пташки аж ушки от эдакой тишины заложило. Но ворона птица умная, древняя, триста лет на белом свете живёт, везде летала, всё видала, и про причину звенящей тишины знает не понаслышке....

Инна Фидянина

Ёлка тётушки вороны

*Баю-бай, засыпай,
не придёт к тебе Бабай,
не придёт к тебе Лешак,
ведь всё у нечисти не так:
не ведут государеву службу,
хороводы не водят дружно.*

Прилетела ворона в зимний лес, уселась на раскидистой ветке старой ели, каркнула три раза и говорит:

– **А ведь, товарищи, скоро Новый год! Надо бы это дело как-то отметить. Кар-кар-кар!** – каркнула она ещё раз на всякий случай.

Ничего не ответил вороне зимний лес. Не на ту полянку, видимо, чёрная присела. Тут пусто, нет никого. Подумала ворона, подумала, взлетела и перепорхнула на соседнюю полянку. Уселась на ветку точно такой же старой ели, каркнула три раза и говорит:

– **Товарищи... Товарищи, а ведь Новый год скоро! Надо бы это дело как-то отметить. Кар-кар-кар!** – снова каркнула «певчая» птица в конце своей многозначительной речи.

И опять не ответил пернатой ораторше зимний лес. Лишь

застарелый снег упал с той самой ветки, на которой сидела ворона – ух! хлоп! – и тишина, звенящая тишина такая, у тёмной пташки аж ушки от эдакой тишины заложило.

Но ворона птица умная, древняя, триста лет на белом свете живёт, везде летала, всё видала, и про причину звенящей тишины тоже кое-какие сведения имеет.

«**Значит, нет никого вокруг**», – подумала пожилая умуница и скосила левый глаз вниз, а затем скосила правый. Оглядела снежный наст под собой. И вправду, нет никого! Даже следов на снегу нет: ни старых, ни новых, ни птичьих, ни звериных, ни человеческих.

– **И перед кем это я распинаюсь!** – возмутилась ворона, осела, нахохлилась и вошла в продолжительный ступор.

Однако, через полчаса черноокая красавица выпалась, сморгнула сонную плёнку с глаз, встряхнулась, размяла лапки, оттолкнулась от седой ветки и полетела искать в родном лесу свободные уши.

Долго ли, коротко ли летал по тайге наш глашатай... Но наткнулась в конце концов ворона на белку-свиристелку, бегущую от дерева к дереву по своим, беличьим делам. Прыг белка на дерево, а ворона уже там:

– **Ну здравствуй, мой дружок-мелкий-прыткий-колобочек!** – поприветствовала её птица.

Белка даже опешила, так её ещё никто не называл. Но ворона, выпятив тёмным пятном гладкую круглую грудь прямо на белку, с независимым видом продолжила:

– А собери-ка мне, дружочек, прямо на это поляне зверей, да побольше, да побыстрее!

– А зачем тебе? – удивилась белка.

Распушила ворона чёрный хвост, мотнула головой и «завела свою пластинку»:

– Товарищи! ... Нет, не так... Товарка! Новый год ведь скоро! Надо бы это дело как-то отметить. Кар-кар-кар! Всем вместе: всем нам лесным братьям и сёстрам. Понимаешь?

– Не...е...ет, – вытаращила глаза белка.

– Впрочем, тебе и не надо всё понимать до того, как тебе это всё не объяснят, – медленно проговорила мудрая птица, моргнув обоими глазами одновременно. – Так вот, объясняю... Праздник скоро. И ни православный, и ни католический, а светский, ежегодный, периодический.

Белка от понимания своего непонимания, а так же от понимания своей беспросветной безграмотности, вжалась в ветку, на которой сидела и тихо промямлила:

– Ну, я п...п...пойду, п...п...позову всех?

– Поди, поди... Да поди уже, – благосклонно проговорила её грамотная наставница.

*Баю-баюшки, усни на снегу,
баю-бай, я принесу тебе еду:
ишиек еловых, орехов медовых*

*и шубку тёплую от ветра,
будешь ею ты согрета.*

Долго ли, коротко ли бегала белка-свиристелка по зимнему предновогоднему лесу, но нашла таки зайца-убегайца, лису-красу, бурундука-трудолика, енота-обормота, волка-без-толка, медведя-удея, и птиц мелких да крупных без счёта! Собрались они все на той поляне, на которой ворона-старушка опять немного вздремнула. Разбудила животишка её своим гвалтом. Отогнала от себя птица чёрная дремоту-сон, вспорхнула на невысокую на макушку чахлой сосны, осмотрела придирчиво вновь прибывшее войско, да и говорит:

– Кар-кар-кар, товарищи! Экие вы, товарищи, а Новый год ведь скоро! Надо бы это дело как-то отметить. Кар-кар-кар!

– Как? Как? Как? – спросила на всякий случай любопытная галка.

Ворона, обедев спросонья мутным взглядом публику, и оперевшись в пустые, но радостные глаза товарищей и товаров, быстро сообразила, что общество ничего не соображает, от слова совсем! Пришлось наимудрейшей долго им объяснять: что такое Новый год, как его отмечают, с чем отмечают и зачем.

– Но самое главное в этом празднике – ёлка! Нарядная елка, заметьте! – возбуждённо закончила ворона

и мечтательно закрыла глаза, опять задремала, видимо.

– Но позвольте! – возмутился медведь. – Мама целых три года учила меня реветь, но никаких ёлок наряжать не обучала. Ну есть у меня пара красиво обглоданных костей, могу принести, если что...

– **Так, начинай сначала!** – грозно зыркнула ворона. – **Ель должна быть украшена ёлочными игрушками. Ни костями, ни перьями (она покосилась на уже организованный на поляне птичий рынок), а именно ёлочными игрушками: стеклянными, деревянными, бумажными зверюшками и круглыми шарами... Ну да бог с вами,** – добавила она, опять наткнувшись на счастливые, но пустые глаза лесной братии. – **В любом случае, решение проблемы у меня как раз таки и имеется. Мы пошлём в город сбóрок сорóк-ворóвок, вот они то и украдут для нас всё необходимое ёлочное украшение: утянут с уличных ёлок, и даже через открытые форточки из домашних. Кхе-кхе! Да, да, люди везде ставят эти ёлки. У них всё прямо утыкано ими, как иголками! А мы чем хуже? Я вас спрашиваю, товарищи!**

Толпа было радостно загудела, заликовала, но тут в центр поляны вышел волк:

– Не, не по-человечьи это! – завыл он. – Воровство карается законом, отрубленным хвостом и выстрелом из двустольного охотничьего ружья... По закону бы надо поступать, век воли не видать! – добавил серый и как-то странно

поджал хвост.

– Не больно то и охота в город грязный лететь! – гордо отвернулись сороки и принялись чистить перья.

– М...м...м...можно мне сказать, – робко протянула лапку белка.

– **Ну говори, свиристелка,** – буркнула с каждой минутой всё скучнееющая и скучнееющая ворона.

Белка набрала в лёгкие воздуха, расхрабрилась, развела лапки в стороны и начала:

– Я не больно то разбираюсь в ёлочных игрушках, но если кинуть клич, то сбóрок белок-проны́рок приволокут целую кучу красивых шишек: еловых, сосновых, пихтовых, кедровых... Вот ими то мы и сможем украсить новогоднюю ель! И не надо ничего воровать.

– Хм... – хмыкнула лиса-никому-не-сестра. – А шишки то, небось пустые припрёте, вылущенные ужо.

– Ужо, ужо, – передразнил её бурундук. – тебе-то какое дело, ты всё равно орехи не жрёшь!

Зашипела лиса, затыкала, хотела было съесть бурундука, да вовремя вспомнила о своей репутации (на «сходняке никого есть нельзя» – гласил негласный закон). А сборище уже заволновалось, заспорило, того и гляди глаза друг другу по-выцарапывают.

– **Ша, тля, не жужжать!** – подняла крыло ворона-взаконе. – **Порешаем вопрос так: ставим на голосование. Поднимите одну конечность, кто «ЗА» сбóрок со-**

рѡк-ворѡвок.

Тишь первобытных лесов повисла над поляной. Робко поднял было лапу заяц, но осекся, сделал вид, что почесал себе за ухом.

– **Ладно**, – скрипнула клювом ворона (лишь она одна знала: в чём разница между настоящими блестящими ёлочными игрушками и блёклыми коричневыми шишками, выпотрошенными бурундуками да белками). — **Кто «ЗА» шишки-мальшки?** – спросила она.

Лесные жители зашумели, загалдели. И все, как один, подняли вверх лапы и крылья.

*Спи, дружок, ты тихо, тихо на снегу,
Как вернусь, я тебе ветер принесу,
и весёлую, весёлую пургу!
Я ими я тебя укрою, сберегу.*

Худо ли, бедно ли, но вскоре звери выбрали самую раскидистую, разлапистую ель, одиноко стоящую и дюже красивую. И тут же нарядили её шишками, привязав их к веткам тонкими прутиками. Ну что, пришло время водить хороводы, как завещала великая ворона-на-голове-корона?

А та уже критично облетала наряженного нового идола, и почему-то недовольно каркала. И усевшись на верхушку шишастой ели, повела такие речи:

– **Вы ребята-молодцы, без пяти минут бойцы! Но**

так дело не пойдёт, без гирлянд – не хоровод! Гм... ёлочная мишура и гирлянды – наиглавнейший атрибут праздничной ели.

Да, да, да, пришлось вороне словами и размахом крыльев объяснять своим туповатым собратьям, что такое сверкающая мишура и мерцающие огоньки гирлянд.

– Ну всё, пропал праздник! – с досады сплюнул енот-обормот. – Расходимся ребята по домам. Нё жили богато, нечего и начинать. Тем более, что холодает, мне спать пора, самое время в спячку укладываться. Понимэ?

– Расходимся! – оживился сыч-магарыч, который решил, что ему уже пора подкрепиться, и тоже холодные дни в дупле пересидеть.

Повздыхали звери, почесали взаправду за своими ушами, да и стали расходиться, разлетаться, разбредаться потихоньку в разные стороны, опустив низёхонько головы.

*Моя крошка, не твоя это беда,
что весь мир давно сошёл с ума,
лишь медведи чёрные в бору
роют себе зимнюю нору.*

Но тут повалил большими хлопьями снег. Мягкий, пушистый, карнавалый.

– Подождите, подождите, подождите... – зашептали снежинки.

И звери остановились, замерли ожидая. А снег всё падал, падал и падал. И напал он на ветви елей, охапками, охапками, большими пышными шапками. И засеребрились на солнце у этих шапок снежинки разными, различными, разнообразными цветами.

– Мишура, мишура, мишура... – шурша шептали снежинки (в сказке у Инки, у Инки).

– Вот тебе и красота! Вот тебе и мишура! – кивнул медведь и уселся тяжёлым задом (основательно подготовленным к зимней спячке) в только что выпавшую на землю мягкую «пуховую перину».

– **Вроде как бы и да,** – придирчиво оглядела тётушка ворона обновлённую ель. – **Но гирлянды не хватает. Не хватает и всё тут! Расходимся товарищи по домам, чего уж там.**

Вдохнули звери в который раз, почесали лбы, затылки, да и стали расходиться, разлетаться, разбредаться в разные стороны, опустив морды ниже лап.

*Спи, дружок, укрою снежным пледом я тебя,
мама спрячет – мама у тебя одна.
Звёзды освещают норку из ветвей,
Медведь, волк, лиса уберегут от злых людей.*

И вдруг в воздух взмыло целое полчище снегирей.

– Пойдите! Пойдите! Пойдите! – засвистели они, и при-

нялись дружно рассаживаться на ветках наряженной зверьём ели. Они выпятили свои огненно-красные грудки на всеобщее обозрение и ёлка засияла алым цветом.

– Мы фонарики, фонарики, фонарики! – насвистывали снегири не переставая.

И красотища разлилась по поляне. И закружила хороводом товарищей, товарок и царь-птицу ворону. И дюже весело стало в предновогоднем лесу. Медведь отплясывал кадриль, лисица польку, бурундук вальсировал с белкой, енот пошёл вприсядку, волк кружился на месте, стараясь догнать сой хвост, заяц барабанил по старому пню, а птицы покинули свой птичий базар и кружили кругами над поляной.

А за песнями, плясками как-то неожиданно подкралась ещё одна царица – волшебница ночь. Опустила она на лес своё холодное бездушное тёмное покрывало, и померкли фонарики-снегири, растворилась в пустоте ночи смуглая ворона, посерели животные, помрачнели птицы. Остановился хоровод, распался, умер. И каждый почувствовал себя таким одиноким! И каждый заплакал, глядя на тёмный силуэт потускневшей ели – их недавнего праздника.

Но сжалились звёзды на небе, глядя на погрустневших зверят. И рассыпали они свою звездную пыль на нарядную ёлочку. Засияла новогодняя колючая красавица всеми цветами радуги от маленьких, маленьких огоньков, россыпями и целыми гроздьями, осевших на её иголочках.

Посмотрели звёзды вниз, и увидели, что это хорошо. По-

думали, подумали и засыпали звёздной пылью все-все-все деревья в округе. Засверкали ели, пихты, сосны, кедровые сосны и берёзы. Снегири тоже засверкали, потому что и им звёздной пыли хватило. Ну вот, был лес простой, а стал волшебный.

– Ну что ты, тётушка ворона, наделала! – сказали звёзды и засмеялись... засмеялись... засмеялись своими смешинками и снежными лохматыми пушинками народ мелкий, лесной, непутёвый. А народец этот в пляс пошел.

– В который раз, товарищи, вы пляшете? Правды вы в танцальках не обрящете! – это старая сова на шум припёрлась.

Тоже птица от природы дюже мудрая. Но скажу вам по секрету: и паскудная. Но её понять тоже можно. По ночам у неё самая охота, а карнавал её добычу разогнал – мышей-полёвок в наст загнал.

Но я как сказочник, ведь тоже шибко вредный. Поэтому сове и посоветую: поголодать немножко, жир стряхнуть, повеселиться, от охоты отдохнуть.

И закружили сову филины носатые, сычи-усачи и другие наши ребята. Ай, пляши сова, да пой сова, да всё сама, сама, сама! А мы, народ простой, тебе крылами похлопаем, ногами дружно потопаем, и песни придумаем новые: про зиму, про снег, и про дружбу, которую сохранить, ой как нужно!

А ты спи, мальши мой, крепко.

*Ворон стережет на ветке
твою детскую печаль,*

ему печаль эту не жаль!